

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.16>

UDC 94(497.11)(470+571)
LBC 63.3(0)-332

Submitted: 12.07.2017
Accepted: 31.10.2017

THE TITLE OF SAMODERZHETS (AUTOKRATOR) IN SERBIA AND RUSSIA: TWO WAYS OF BYZANTINE HERITAGE DEVELOPMENT¹

Nina Kršljanin

Faculty of Law, University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Abstract. The title of autokrator first appeared in the Rhomaian Empire (Byzantium). Translated as samoderzhets, it was taken up by Slavic countries that followed Rhomaian tradition. Taking as her starting point the indispensable 1935 work by George Ostrogorsky *Autokrator and Samoderzhets*, the author has analysed similarities and differences in the development of the title of samoderzhets in Serbia and Russia. Three phases have been analysed, of which the first two in more detail: the beginning of the use of this title; the development of the title and its significance; the diverging of the ways of Serbia and Russia. The first phase shows that the adoption of the title in both countries is preceded by both an increase of the country's actual power and the improvement of its position among other Christian (Orthodox) countries. A significant difference appears in the second phase: Serbian kings have used the title of samoderzhets, but it was no longer in use after Stefan Dušan's coronation as Emperor; after the fall of the Empire, Serbian rulers began to use it again. In Russia it was the other way around: the use of the title was more frequent after Ivan IV's coronation. It seems that the title was mainly used in Serbia to underline independence where there was no obvious proof for it, and thus was not needed during the Serbian Empire, while Russian rulers, on the contrary, used it only when they had earned it through the actual power of their country. In the third phase both countries abandoned the Rhomaian model. Russia turned to Western models from the time of Peter I, while the development of Serbia was interrupted by its fall under Ottoman rule.

Key words: autokrator, Byzantium (Rhomaian Empire), Russia, autocracy, samoderzhets, Serbia, medieval law, title.

Citation. Kršljanin N. The Title of Samoderzhets (Autokrator) in Serbia and Russia: Two Ways of Byzantine Heritage Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 162-183 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.16>

УДК 94(497.11)(470+571)
ББК 63.3(0)-332

Дата поступления статьи: 12.07.2017
Дата принятия статьи: 31.10.2017

ТИТУЛ САМОДЕРЖЦА (АВТОКРАТОРА) В СЕРБИИ И РОССИИ: ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ¹

Нина Кршлянин

Юридический факультет Университета в Белграде, г. Белград, Сербия

Аннотация. Титул автократора впервые появился в Ромейском царстве (Византии). В переводе «самодержец» он был заимствован правителями славянских государств, опиравшимися на традицию Ромейской империи. Обращаясь прежде всего к опубликованной в 1935 г. незаменимой работе Георгия Острогорского «Автократор и самодержец», автор исследовала схожие и различные черты в развитии титула самодержца и идеи самодержавия в Сербии и России. Рассмотрено три этапа, из которых первые два более подробно: начало употребления титула; развитие титула и идейное значение; расхождение путей в использовании титула в Сербии и России. И там, и здесь на первом этапе, перед принятием титула, очевидно усиление фактической силы государства, так и улучшение его положения в ряду других православных христианских стран. На втором этапе обнаруживается заметное отличие: сербские короли пользовались титулом самодержца, но со времени венчания Стефана Душана на царство в 1346 г. титул больше не употреблялся; лишь после падения Сербского царства в 1371 г. правители Сербии стали снова пользоваться указанным титулом. В России же

наоборот, со времени венчания Ивана IV царем титул самодержца употреблялся часто. Как будто бы в Сербии титул самодержца прежде всего служил для того, чтобы подчеркивать независимость там, где она требовала очевидного доказательства, а российские правители, наоборот, называли себя самодержцами, только заслужив этот титул укреплением реальной силы государства. На третьем этапе оба государства отошли от ромейского образца. В России с времени Петра Великого произошел поворот к западным ценностям; развитие же сербского государства было прервано переходом под власть Османской империи.

Ключевые слова: автократор, Византия (Ромейское царство), Россия, самодержавие, самодержец, Сербия, средневековое право, титул.

Цитирование. Кршлянин Н. Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 5. – С. 162–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.5.16>

В Средние века под влиянием Ромейского царства (Византии²), где зародилась и складывалась традиция инсигний носителей верховной власти, развивались аналогичные институты славянских стран Балканского полуострова и России. Хотя многие элементы власти там становились по своей сути славянскими, ромейское влияние было ощутимым. Указанная тенденция касалась особенно сферы идеологии власти христианского правителя (см. [107, р. 272–290, 314–321]). На важность идейной и генеалогической связи славянских правителей с римскими и ромейскими царями указывают многие документы средневековой Сербии и России [68, с. 81–85; 13, с. 5–6, 11–44, 58]. Идеологию власти средневекового Русского государства выразила концепция «Москва – третий Рим» [34; 39; 41; 44]. Ее положения, включая взгляды на природу власти государя, развивали правовые и дипломатические тексты и документы, религиозные сочинения и летописи. Идейным обоснованием концепции служили представления о самостоятельной власти правителя. Влияние ромейской модели власти, обозначаемой как «автократия», стало идейной предпосылкой возникновения сложного явления, получившего название «самодержавие». Оно выражало политическую концепцию внешне независимой и внутренне неограниченной власти [6, с. 212–219; 42, с. 45; 10, с. 292–295; 3, с. 188–192; 25, с. 275–282; 7, с. 31–40; 15; 29, с. 171–202].

С идейно-политической точки зрения огромное значение в создании образа правителей этих стран играли такие видимые символы их власти как обряды коронации и венчания правителя, регалии, печати государственных

актов, гербы государства и иные атрибуты власти (о Сербии см.: [57, с. 141–204, 70; 71; 72; 105; 57; 58, с. 91–104; 103; 80; 60, 103–107]; о России см.: [5, с. 10–24; 6, с. 221–223; 53; 47; 23, с. 23–53; 3, с. 182; 40, с. 40–49]). Наиболее значимым выражением идеологии правителя являлась его титулатура. Одним из ее важнейших компонентов в средневековой Сербии и России стал титул «самодержец». Это слово является буквальным переводом греческого титула «автократор» (*αὐτοκράτωρ*), который, в свою очередь, впервые появился в Ромейском царстве как греческий перевод латинского *imperator*. Начиная с официального принятия греческих титулов вместо латинских после победы Ираклия над Персией в 629 году, титул автократора вошел в официальную титулатуру василевса и на протяжении большей части существования Ромейской державы являлся одним из атрибутов власти ее главы [108, р. 235; 75, с. 282–285]. Здесь надо пояснить, что само слово «автократор» использовалось еще в Древней Греции, но в несколько другом значении (см. *αὐτοκράτωρ* в кн.: [102, р. 280–281]). По мнению М.А. Поляковской о придворных церемониалах, автократия по ее природе согласно этимологическому значению слова тождественна монархии. Если рассматривать значение слова *αὐτός* не только в значении «сам», а в значении «один», то «сами византийцы понимали автократию как империю» [30, с. 13]. Ж. Дагрон считал автократорию обозначением эффективной власти, в отличие от обозначения «василейя», которое с VII в. имело преимущественно символическое значение [97, р. 57–58, 78–80]. Ни самое слово «автократор», ни власть автократора Ромеев как таковая не имели коннота-

ций абсолютизма, а только верховной власти, не принадлежащей никому, кроме царя Ромеев, правящего по воле Божией [108, р. 692–693; 14, с. 102–111 и далее; 75, с. 282–303; 24, с. 57–72; 100; 109, р. 13–108; 78; 79]. Поэтому автократом в полном смысле этого слова сперва являлся только великий царь (μῆγας βασιλεύς); его соправителей называли автократорами, когда их имена появлялись вместе с правителем, но никогда при отдельном их упоминании. Только со времен династии Паллеологов титул автократора получал и соправитель, то есть первый наследник престола [75, с. 285–302; 98, S. 34; 99; 97, р. 30–34].

Изучением рецепции указанного титула и его идейного значения для глав славянских государств занимались многие ученые. К сожалению, лишь немногие из них в своих трудах обращались к сравнительному анализу стран Балканского полуострова и России. Об использовании титулов «автократор» в Ромейском царстве и «самодержец» в Болгарии, Сербии и России очень важную и до сих пор незаменимую работу «Автократор и самодержец» написал в 1935 г. Г.А. Острогорский. Он, опираясь на тщательный анализ источников по истории названных стран, изучил использование и значение титула самодержца в каждой из них. Ученому удалось доказать, что ни одно из славянских государств не заимствовало ромейскую модель власти и титулатуру правителей без изменений [74; 75]. Большинство же других историков вплоть до настоящего времени лишь вскользь касались указанных аспектов сравнительного изучения титула «самодержец». А.Л. Хорошкевич, утверждая, что русские государи «тщательно присматривались к тому, как оформляли свои притязания на власть их славянские предшественники», ограничилась несколькими примерами из истории средневековой Болгарии и Сербии [52, с. 103]. В последнее время А.И. Филюшкин дает высококачественный анализ русского титула самодержца, но его использованию в других славянских странах уделяет всего пару предложений [51, с. 55–63].

Из всех ромейских элементов титулатуры славянских правителей, наряду с другими обозначениями верховной власти, прежде всего, титулом царя (Цезаря, кесаря), которому наука посвящала и посвящает более всего вни-

мания, «самодержец» остается, наверное, самым значимым. Он указывал на самостоятельность государства. Правильно понять схожие и отличные элементы значения и употребления этого титула – значит сделать важный шаг в исследовании концепции политической власти и международных отношений близких по исторической традиции славянских стран.

Цель данной работы – сравнительный анализ употребления титула самодержца и его идейного значения в средневековой Сербии и России. Исследование призвано показать как общие корни понимания обозначения самодержца в Сербии и России, так и причины отличия в толковании его значения, продиктованного расхождением исторических путей развития названных стран.

1. Первые самодержцы Сербии и России

Прежде всего, надо обратиться к началу употребления титула самодержца в Сербии и России. Речь пойдет не о хронологии, хотя иногда и ее проследить не просто. Важно понять, на какой стадии развития государственности происходила рецепция названного титула, в период каких отношений Сербии и России с Ромейской империей, какого ее положения и сил.

В Сербии титул самодержца в официальных актах первым стал употреблять Стефан Неманич (Первовенчанский, 1196 – ок. 1228 г.) после получения королевского титула и короны от папы Гонория III в 1217 году. Уже в 1219 г., его брат Савва получил в Никее от царя и патриарха разрешение основать автокефальную сербскую церковь и стал ее первым архиепископом (см.: [94, с. 299–300; 57, с. 153–159; 61, с. 105–108]). Правда, из шести сохранившихся грамот Стефана, титул самодержца встречается только в одной, пожалованной монастырю Св. Марии на острове Млет. Это единственный акт, который хранит подпись Стефана [65, с. 107–109; 75, с. 326].

Следует отметить, что в многочисленных сербских житиях святых самодержцами называются и сам Стефан Неманя (ок. 1165–1196 гг.), и Стефан Неманич – до коронации. Еще чаще появляется слово «самодержавно(е)» при описании власти одного из этих пра-

вителей или самого сербского государства [75, с. 322–324]. А надпись на Евангелии Вукана упоминает «самодержавных властелей» [89, с. 81–82; 80, с. 91]. Г.А. Острогорский правильно отметил, что речь идет о независимости страны и ее правителя. Однако употребление этого термина авторами житий еще не означает, что сами великие жупаны пользовались титулом самодержца [75, с. 323–324]. Действительно, в сохранившихся грамотах Стефана Немани и Стефана Первовенчанного до 1217 г. такого титула нет. И все-таки важно, что Неманя (Святой Симеон) назван самодержцем не только в житиях, написанных священнослужителями последующих поколений, но и в житиях, написанных его сыновьями – сперва его младшим сыном, монахом Саввой, будущим сербским архиепископом и одним из наиболее чтимых святых, а затем и наследником Немани, Стефаном Первовенчанном. Оба жития написаны до венчания Стефана Неманича на королевство и последующего провозглашения его самодержцем [81, с. 20; 87, с. 13]. Скорее всего, титулование Немани как самодержца предшествовало официальному введению этого титула его сыном. Недаром в одном кратком житии сер. XIII в. Неманя назван «самодръжателем» даже по отношению к периоду, когда он вместе со своими сородичами был еще удельным владетелем [112, с. 30; 80, с. 93].

Какой же смысл вкладывали в слово «самодержец» сыновья Немани? Как объяснял Г.А. Острогорский: «Опираясь на буквальное толкование слова «автократор» (самодержец), которое не было чуждым самой Византии, сербские правители приняли титул самодержца с тех пор, когда они начали считать себя независимыми. Таким образом, титул самодержца в Сербии явился с королевским титулом. Это большая новация в истории титула самодержца, а вследствие того вся дальнейшая эволюция этого титула в Сербии получила совершенно особый характер. Стефан Первовенчаннный во всей мировой истории был первым носителем титула самодержца, который не только не имел царский титул, но даже и не думал о нем» ([75, с. 337]; перевод автора). Ф.В. Тарановский считал, что основанное на буквальном переводе с греческого сербское толкование титула самодержца не ото-

бражало его исторического развития, но верно выразило суть этого понятия, указывая на внешний суверенитет правителя и его страны [88, с. 181–182].

Почему же в Сербии титул самодержца, введенный в царствование Неманичей, по своему характеру так отличался от ромейского прототипа? Сначала отметим соотношение сил Сербии и Ромейской империи в ту пору. Сербия тогда возвышалась: Стефан Неманя восстановил сильную центральную власть и увеличил территорию страны, а его сын укрепил достижения отца (см. [66, с. 251–262; 61, с. 57–76]). Оба при этом опирались, хотя бы косвенно, на поддержку Ромейского царства, и даже после обретения самостоятельности они все еще принадлежали ромейскому миру и разделяли мировоззрение ромеев (см. [84, с. 289–291]).

Сам Неманя не имел претензий на возвышение собственного положения, и это видно не только из того, что он не пользовался титулом самодержца. Известно и часто цитируется по грамоте об учреждении Хиландарского монастыря заявление, согласно которому Бог сделал греков царями, а венгров королями, разделив всем языки и законы, пока сам Неманя довольствовался титулом великого жупана [64, с. 68]. Правда, толкование этой грамоты неоднозначно. Ф.В. Тарановский сделал вывод о том, что Стефан Неманя, будучи великим жупаном, считал себя независимым и самостоятельным, то есть суверенным правителем. Он с юридической стороны равен всем остальным правителям суверенных государств, потому что освободился от покорности Ромейскому царству и на уровне фактов, и на уровне идей [88, с. 165]. С. Марьянович-Душанич считает, что тем самым Ф.В. Тарановский признал Стефана Неманю первым сербским самодержцем [71, с. 61–62]. Но Ф.В. Тарановский ясно написал – титул самодержца в Сербии начал употреблять Стефан Первовенчаннный [88, с. 182]. Конечно, Ф.В. Тарановский не занимался этой проблемой углубленно, а затрагивал ее в общем обзоре положения сербских правителей, поэтому возможно допустить наличие в его работе некоторых неточностей. Он больше внимания уделял идее суверенитета в общем смысле слова, чем его выражению в средневековом понимании самодержавия.

Так или иначе, Неманя лично получил многие символы власти от царя Мануила I Комнина в 1155 г. [80, с. 104–108]. А после безуспешной войны против Ромейского царства, скорее всего в 1172 г., когда Немане пришлось в качестве пленника стать участником триумфальной процессии в Константинополе, он приобрел горький личный опыт. Впрочем, ромейский царь не только отпустил Неманю, ограничившись его формальным подчинением Ромейскому царству, но и предложил сыну Немани вступить в брак с ромейской принцессой Евдокией, дочерью будущего царя Алексея III. Таким образом, Неманя был свидетелем как величия Ромейской империи, так и милосердия или хотя бы благоразумия ее правителя [61, с. 61–63; 66, с. 259–260]. Не удивительно, что он после этого проявлял такую скромность в собственных титулах. Как указывает Дж. Бубало, Неманя «знал меру своих возможностей» [61, с. 76].

После перехода Константинополя под власть крестоносцев в 1204 г. ситуация очевидно изменилась. Ни Никейское царство, ни Эпирский деспотат не могли сравниться по силе с прежней империей, в которой царь действительно был самодержцем в буквальном смысле этого слова. В сравнении с положением ромеев, сербское государство действительно было сильным и самостоятельным. Ромейского царя все еще почитали, но у сербов не могло не возникнуть осознания своего реального положения [104, с. 269–282]. Этими обстоятельствами воспользовались Стефан и Савва Неманич, чтобы поднять статус как сербского государства, так и церкви (об иерархии средневековых государств с точки зрения ромеев см. [76; 77; 63, с. 188–189; 56, с. 247–275; 96, р. 46–59]). Те же обстоятельства могли служить причинами того, что сербский правитель дерзновенно позволил себе включить в свою титулатуру аналог атрибута власти ослабших ромейских царей.

При этом важен тот факт, что Стефан Первовенчаный был зятем ромейского царя Алексея III Ангела. Хотя во время коронации его королем брак с Евдокией уже закончился разводом, а Стефан был женат в третий раз на внучке влиятельного венецианского дожа Энрико Дандоло, нет сомнений, что последствия первого брака сыграли замет-

ную роль в последующих событиях [61, с. 71–74, 83–84, 101–102, 105; 107, р. 239–240]. Во-первых, перед свадьбой с Евдокией Стефан, будучи еще принцем, получил от своего тестя высокий титул севастократора. Он понимал положение Стефана в православном мире. Как замечает В. Станкович, благодаря свадьбе с ромейской царевной Стефан Неманич вошел в высшие круги ромейской аристократии [84, с. 292]. При смене на престоле, что заметил еще Г.А. Острогорский, и бывший, и молодой великий жупан в своих грамотах Хиландарскому монастырю упоминали и титул севастократора, и брак с ромейской царевной [75, с. 325], хотя в момент издания грамоты Стефана Неманича (1200–1202 гг.) данный брак уже был расторгнут (см. [92, с. 268]).

Во-вторых, Евдокия родила Стефану не менее двух детей, сына Радослава и дочь Комнину. Можно было ожидать того, что в будущем эти потомки ромейской династии Ангелов взойдут на сербский трон. Правда, этого не произошло. Радослав действительно стал сербским королем, но после него на трон пришел его родной брат Владислав, который скорее всего был сыном второй жены Стефана. А после его короткого правления трон занял Урош, сын Анны Дандоло, и будущие короли являлись его потомками (см.: [94, с. 308–314 и [61, с. 127 и далее]). Комбинация всех перечисленных факторов позволяла королю полагать, что ромеи не захотят или, по крайней мере, не осмелятся возражать против принятия им титула самодержца.

В России основное значение титула «самодержец» было тем же, но начало его употребления не столь однозначно. Г.А. Острогорский считал, что титул самодержца в России следует относить ко времени Ивана III, хотя он являлся, по утверждению ученого, не первым правителем, прибегшим к этому титулу. Его использование князьями до Ивана III Г.А. Острогорский считал «случайным явлением, которое не имеет особого значения» [75, с. 340]. И А.И. Филюшкин находит первое упоминание самодержца в Повести временных лет, где речь идет о Ярославе Мудром [21, стб. 149–150], но считает, что «на самом деле термин *самодержец* стал рассматриваться московской политической мыслью как вари-

ант титулатуры верховного правителя только с конца XV в.» [51, с. 55–57].

Разумеется, у ранних упоминаний самодержца было свое политическое значение. В.П. Гребенюк в одном из примеров упоминания князя Василия Дмитриевича в качестве самодержца видит «устойчивую тенденцию к возвышению власти московского князя» [8, с. 319]. Но это был всего лишь один из необязательных уважительных атрибутов, подобно тому, как и титул царя до его формального введения в титулатуру правителя употреблялся в качестве почетного обращения к князьям (см. [40, с. 31–38]). Тем более нельзя полагаться на упоминания самодержавия в источниках более позднего времени, которые проецируют принятые тогда формы титулования на предыдущие столетия, как это прослеживается на примере титулования князя Владимира Святославича самодержцем в Синописе 1674 г. [33].

Хотя титул самодержца в пору Ивана III употреблялся сравнительно редко, с точки зрения Г.А. Острогорского, он получил особое содержание «в строго определенном смысле». Имелись в виду два важнейших исторических события: падение Константинополя в 1453 г. и освобождение России от татарского ига в 1480 г. После них московский князь стал независимым и самостоятельным правителем. И В.О. Ключевский, и Г.А. Острогорский полагали, что не случайно в России той поры начал употребляться и титул царя. Тогда, как В.О. Ключевский признавал главным фактором внешнюю независимость, Г.А. Острогорский делал упор на подчинении Ромейскому царству. Он признавал учение о том, что в православном мире существует только один царь-автократор, более сильным препятствием для использования титулов царя и самодержца до этого времени, чем реальное подчинение монголо-татарской власти [16, с. 248–252; 75, с. 340–344. Также см.: 55, с. 230–233; 15, с. 21]. А.Л. Хорошкевич подчеркивает внутреннюю соразмерность употребления титула «самодержец», отмечая, что оно началось тогда, когда Иван III стал единственным великим князем, ибо названный титул исключал возможность существования других правителей на той же территории [52, с. 103–104].

Г.А. Острогорский, однако, не терял из виду того, что Иван III, названный царем в письмах к иностранным правителям (см. [32, с. 273–278]), никогда не называл себя самодержцем. Этого не делали ни Василий III, ни Иван IV, хотя Василий закончил объединение русских земель, а Иван Грозный венчался на царство [75, с. 346–351; 11, с. 59 и далее; 18, с. 25 и далее]. Во времена трех названных правителей о них как о самодержцах говорили прежде всего представители церкви. Ивана III первым назвал самодержцем митрополит Зосима в своем «Извещении о пасхалии на восьмую тысячу лет от сотворения мира», то есть в 1492 г. [42, с. 58–61; 27, стб. 795–802; 13, с. 123–125]. Прославляя великого князя-самодержца, Зосима даже назвал его новым царем Константином для нового города Константина – Москвы ([31, с. 799; 42, с. 60]; ср. [75, с. 344]). Этот акт, очевидно, был публичным, так что и преемник Зосимы, митрополит Симон, в момент своего поставления в 1495 году, в прямом обращении князю называл его самодержцем [36, с. 26–29]. А.И. Филлюшкин считает, что, «эти памятники нельзя отнести к официальной документации», и что поэтому *самодержец* в этот период остается все еще не титулом, а только почетным обращением [51, с. 58]. Первым же правителем, который говорил сам о себе как о самодержце, был царь Федор Иванович, о чем свидетельствуют ссылки исследователей на грамоты об основании Московской патриархии 1589 г. и кабардинским князьям 1589 и 1591 гг. [75, с. 351; 51, с. 61; 20, с. 120]. При венчании Федора Ивановича не было предусмотрено, чтобы он сам назвал себя самодержцем, хотя о нем так говорится, и митрополит именно так обращается к нему многократно [13, с. 105–120]. В то же время нельзя обойти молчанием остающееся подчас вне поля зрения историков титулование Ивана Грозного самодержцем в Стоглаве ([38, с. 36, 39–40, 69–71, 157, 233]; также см.: [46, с. 224]).

Известно и мнение, согласно которому появление титула самодержца связано не с обретением независимости, а с появлением соправителей, то есть, что Иван III, подобно ромейским императорам, с помощью титула самодержца подчеркивал свое первенство в отношении к своим соправителям, сначала

внуку Дмитрию, а потом сыну Василию, тоже носившим титулы великих князей [35, с. 186]. Действительно, при поставлении Дмитрия соправителем Симон называл только Ивана III самодержцем [36, с. 27–29; 13, с. 67–77; 43, с. 608–625]; также см.: [4, с. 112–114; 48, с. 416–422; 6]. С другой стороны, А.А. Зимин указывает, что в Буслевской псалтыри и Иван III, и Иван Иванович Молодой названы «самодержцами Русской земли», но это вряд ли можно считать надежным доказательством практики употребления этого титула ([12, с. 67]; также см.: [52, с. 102–103]). Изложенную концепцию, однако, нельзя принять. Во-первых, уже сказано, Иван III сам не называл себя самодержцем. Во-вторых, даже если бы его так называли по его же приказу, трудно представить себе, что он решил бы принять такой традиционный ромейский титул всего лишь по практическим причинам, не принимая и его глубинного значения. Наконец, употребление титула самодержца Иваном III началось до венчания княжича Дмитрия великим князем.

А.И. Филюшкин считает, что многие историки «приписывали» Ивану III титул самодержца из-за не критического отношения к источникам, придавая слишком много значения эпизодическим употреблениям титула или опираясь на более поздние источники. Но самому историку не удается показать четкую альтернативу. Сначала он говорит о том, что считает термин *самодержец* элементом титулования, который утвердился лишь во 2-й половине XVI в.: его использование участилось в пору Ивана Грозного, тогда как до этого времени титул самодержца употреблялся преимущественно в иностранных грамотах. Затем А.И. Филюшкин замечает, что в это время использование титула нельзя считать устойчивым, он «стал атрибутивной частью царского титула только при Федоре, хотя при Иване IV он уже употреблялся как *титул*, а не почетное определение (как при Иване III и Василии III)» [51, с. 61–63]. Не используя работу Г.А. Острогорского, А.И. Филюшкин не определил момента, с которого началось использование титула самодержец. Тем не менее, надо отметить в анализе ученого несколько ключевых моментов процесса развития титула самодержца, совпадающие с ана-

лизом Г.А. Острогорского: время правления Ивана III, Ивана IV и Федора Ивановича. Для сравнения оправданно сослаться на мнение А.Н. Боханова. Он считает принятие этого титула Иваном III бесспорным, и только замечает, что титул самодержца вошел в широкое употребление в первой половине XVI века [3, с. 183].

Таким образом, если принять мнение Г.А. Острогорского и признать, что титул, или же почетное обращение, «самодержец» обретает свою общественную значимость в России со времени Ивана III, то можно провести некоторые параллели с появлением этого титула в Сербии. В обеих странах непосредственно принятию титула предшествует укрепление фактической мощи и внешнеполитического положения государства, то есть его статуса среди других православных стран. Также любопытен тот факт, что Иван III, как и Стефан Первовенчанный, был женат на принцессе из ромейской царской семьи – Зое Софии Палеолог, племяннице последнего императора, Константина XI. Правда, этот брак был заключен уже после падения Константинополя и по предложению папы Павла II, тем не менее, придавал великому князю авторитет в православном мире, выражая связь с ромейскими царями и неся с собой идею наследования Москвой места Константинополя (см.: [45; 28; 32, с. 1–57]).

Можно найти и определенное сходство между положением Ивана III и Стефана Немани: ни тот, ни другой не называли сами себя самодержцами, хотя это обращение в их отношении использовали их современники. Вместе с тем, существует и важное отличие: Стефана Неманю называли самодержцем в его житиях, написанных после его смерти, а Ивана III – при жизни и даже в лицо. Правда, ко времени жизни Немани относится сравнительно мало документов.

Самое очевидное отличие относится к периоду принятия титула самодержца. Сербские правители приобрели его раньше русских, в период слабости Ромейского царства (1204–1261 гг.). В России тогда все еще господствовала удельная раздробленность. Во время же начала объединения России Московским княжеством Ромейская империя уже была восстановлена в Константинополе (см.: [18, с. 48–89]).

К тому же, русская церковь в этот период вряд ли способствовала бы таким претензиям, так как она была подчинена Константинополю, в отличие от сербской, которая с момента своего возникновения была автокефальной (см. [9, с. 400–402; 26, с. 21–29; 67, с. 247–300]).

Кажется, наиболее важным отличием служит источник, к которому восходит употребление титула самодержец. В Сербии сам король сразу начал называть себя самодержцем. Употребление титула в житиях великого жупана Стефана Немани послужило улучшению положения правящей династии [58, с. 33–78], а как только Стефан Первовенчаный получил внешнее доказательство своей независимости (королевскую корону), он стал подписываться самодержцем. В России же все началось с трех правителей, которых называли самодержцами до того, как они сами начали официально пользоваться этим титулом.

Однако, тут можно заметить и сходство – и в Сербии, и в России первыми стали называть правителей самодержцами священнослужители. Это нельзя просто приписать прямому ромейскому влиянию, носителем которого выступала церковь, ибо здесь на самом деле речь идет о присвоении титула, принадлежащего ромейскому царю. Очевидно, в обеих странах это событие стало политическим шагом. В России он прямо относился к правящему князю, в Сербии этот путь воплощен косвенным образом. Скорее всего, в случае Зосимы этот шаг указывал на уважение именно к Ивану III, тогда как Савва Неманич имел в виду не только уважение к своему отцу лично, но и общее будущее династии, и пользу, извлекаемую из почета к ее родоначальнику.

Наконец, в Сербии присвоение титула самодержца более, чем на столетие, опередило принятие титула царя. В России же, хотя титул самодержца не был напрямую сопряжен с царским, определенные параллели возникали.

II. Эволюция титула и его идейное значение

Многие сербские короли продолжали пользоваться титулом самодержца и после Стефана Первовенчанного. Возможно, титул использовали все последующие сербские пра-

вители, но, к сожалению, не хватает сведений источников для подтверждения таких фактов. Так, не сохранилось грамот короля Стефана Радослава (ок. 1227/28–1233/34), в которых он называл бы себя самодержцем либо в интитуляции, либо в подписи. Остальные короли Сербии использовали титул самодержца, но не постоянно [75, с. 327–330]. В то время как для большинства сербских правителей подобные свидетельства безусловны, сам по себе факт использования изучаемого титула неоднозначен, по крайней мере, для Стефана Драгутина (1276–1282).

Г.А. Острогорский, опираясь на современные данные, считал, что нет грамот не только Радослава, но и короля Драгутина, в которых тот называл бы себя самодержцем [75, с. 329]. Только через два года после опубликования статьи Г.А. Острогорского, А.В. Соловьев доказал, что одна из грамот, пожалованных Дубровнику (Рагузе), которую раньше считали грамотой Стефана Первовенчанного, на самом деле была пожалована Драгутином [83]. Текст этой грамоты удостоверяла подпись: «СТЕФАНЬ КРАЛЬ И С БОГОМЬ САМОДРЪЖЬЦЬ СРЪПСКИ» [65, с. 274]. Она типична: подписи титулярным именем короля, получаемым при вступлении на престол – «Стефан» или, начиная со Стефана Уроша I, «Стефан Урош» – без использования собственного имени короля, очень часты (подробнее см.: [86, с. 33–47]. О значении титулярного имени см.: [71, с. 42–59; 73, с. 205–239]). Принадлежность упомянутой грамоты Драгутину теперь бесспорна, но, к сожалению, это еще не делает бесспорным тот факт, что названный король пользовался титулом самодержца. Дело в том, что Г. Чремошник, после сфрагистического анализа этой грамоты, обнаружил, что королевская печать к ней никогда не прикладывалась, о чем свидетельствует полное отсутствие на грамоте хотя бы малейших следов воска. Ученый сделал вывод, что данная грамота никогда так и не стала правовым документом, а осталась только эскизом [95, с. 8–11]. В ней содержались весьма выгодные льготы для дубровецких торговцев, но большинство этих льгот не упоминается в грамотах преемников Драгутина, подтверждающих ранее пожалованные льготы. Поэтому Г. Чремошник предположил, что грамота яв-

лялась просьбой Дубровника, которую сербский король не подтвердил. Следовательно, она была написана в славянской канцелярии Дубровника [95, с. 11]. В таком случае возникает вопрос, использовал ли дубровницкий писарь надлежащий титул, или просто по привычке скопировал слово «самодержец» из старых грамот, подражая подписям отца Драгутина – Стефана Уроша I.

Рассказывая о грамотах Стефана Радослава, Г.А. Острогорский заявил о том, что из-за недостатка сведений нельзя установить, пользовался ли Радослав титулом самодержца. Только на одной грамоте сохранилась подпись. Как уже сказано, никто из других правителей не использовал этот титул постоянно, то есть во всех своих грамотах [75, с. 327].) То же самое можно сказать про Стефана Драгутина, хотя он, вероятно, обращался к этому титулу.

Оба названных короля правили Сербией сравнительно недолго, примерно шесть лет каждый. Соответственно, от периода правления и того, и другого сохранилось лишь небольшое число грамот – две грамоты Стефана III Радослава, из них одна – в итальянском переводе [65, с. 119], и пять грамот Стефана Драгутина, включая выше упомянутый эскиз. Кроме того, в грамоте Дубровнику 1281 г. упоминается еще одна грамота, наверное, 1276 г, которая не сохранилась (см. [65, с. 263–266]). Возможно, и тот, и другой носили титул самодержца, но этому средневековая дипломатика Сербии из-за плохого состояния ее фондов не располагает доказательствами. Возможно и то, что они во время своего короткого правления не успели ни разу использовать этот титул в своих грамотах. Но нет никаких оснований утверждать, что они осознанно избегали употребления этого титула. Скорее наоборот, недаром, сын Евдокии и зять эпирского царя Феодора Ангела, придерживался многих ромейских традиций в управлении государством и придворном этикете. Правда, Радослава нельзя назвать, как иногда ошибочно считается, слепым подражателем своего тестя. Драгутин, в свою очередь, был очень амбициозным и самостоятельным королем [94, с. 305–310; 61, с. 127–138; 90, с. 11–20; 69, с. 97–104].

Самый интересный поворот в использовании титула самодержца произошел во вре-

мя правления Стефана Уроша IV Душана (1331–1355 гг.). Хотя в интитуляциях его грамот Стефан Душан назывался самодержцем, в его подписях слово «самодержец» встречается только до коронации его царем, а после этого – нет (см. например: [64, с. 305–307, 418–424, 701–704]). В его же подписях на греческом языке он и до, и после коронации обозначал себя как «αὐτοκράτωρ» [62, с. 36–199, 336–351; 75, с. 330–334]. Г.А. Острогорский правильно заметил, что это связано с особым сербским пониманием идеи самодержавия. Если самодержец – тот правитель, чье государство независимо и самостоятельно, а царь – владыка всего христианского мира, по крайней мере, православного, то само собой разумеется, что царь является самодержцем, и об этом не надобно дополнительно упоминать. Поэтому этот титул исчез из сербских подписей Душана. В ромейской же традиции титул «βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ» был постоянной формулой подписи царя, так что Стефан Душан следовал этому образцу [75, с. 333–335]. Его греческие грамоты вообще по своей форме были подобны грамотам ромейских царей. Это можно считать выражением его стремлений захватить трон в Константинополе [82, с. 68–91; 93, с. 95–105, 57, с. 262–268].

Этим замыслом не было суждено сбыться – после смерти Стефана Душана Сербское царство начало распадаться. Еще его сын, царь Стефан Урош V (1355–1371 гг.), следовал примеру отца, и подпись сына не содержала титул «самодержец». Последующие же правители, сначала удельных земель, а затем обновленной, но ослабленной Сербии, к своим основным титулам князя или деспота опять добавляли титул самодержца. Даже Мара, дочь деспота Георгия Бранковича и вдова султана Мурада II, названа в интитуляции одной из грамот Дубровнику «царицей и самодержицей» ([106, р. 251; 75, с. 335–337]). Так как значение этого титула в Сербии полностью не соответствовало ромейскому, то и логика его использования была иной, особой. Об этом Г.А. Острогорский заметил: «Одним словом, титул самодержца не употребляется в Сербии тогда, когда его употребление с византийской точки зрения было бы вполне логичным. Наоборот, он

появляется именно тогда, когда это, по византийским понятиям, выглядит странно. В использовании этого титула в Сербии была своя собственная логика, которая не совпадает с византийской» [75, с. 338]. Титул самодержца становился идейным доказательством самостоятельности и независимости государства в то время, когда факты подвергали эту независимость сомнению (обзор интитуляций сербских правителей в их грамотах смотри в кн.: [85, с. 143–161]).

Из этого не следует делать вывод, что использование титула самодержца каким-либо сербским правителем служило свидетельством отсутствия у него политической силы. Напротив, известно, что сильнейшие сербские государи – король Стефан Урош II Милутин (1282–1321 гг.) и король Стефан Душан – часто прибегали к этому титулу. Именно они, более, чем другие сербские правители, вводили во многих сферах жизни сербского двора ромейские правила поведения [90, с. 375]. К тому же, сербы называли самодержцем только главного правителя, а не соправителей или наследников престола, соблюдая старую ромейскую традицию.

В отличие от Сербии, употребление титула самодержца в России продвигалось постепенно, и эту эволюцию отлично показал Г.А. Острогорский. Василия III и Ивана IV самодержавными царями называло даже иностранное монашество – игумены Синайского и Хиландарского монастырей, хотя Василий III еще не был царем [75, с. 343, 348]. В чине венчания Ивана Грозного на царство и он сам, и его отец многократно упоминаются как «всёя Руси самодержцы»; Ивана IV так называют священнослужители и до, и после венчания, он называет так своего отца, но не самого себя [13, с. 82–95]. Во время его правления бояре описывали его власть словом «самодержество», а и он сам пользовался этим понятием в письмах – известно его письмо князю Андрею Курбскому, в котором он высказал мысль: «Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?» [50, с. 149; 22, с. 21]. Он представлял самодержца как правителя с неограниченными, тем более извне, мирскими функциями [75, с. 349–351]. Но он здесь рассуждал о самодержце абстрактно, а себя в своих актах так не обозначал.

В то же время, царевич Иван Иванович называл себя самодержцем в грамотах, отправляемых в Крым. По мнению А.И. Филюшкина, это был уже титул, а не только почетное обращение, но его употребление сыном правителя показывает, что титул тогда был «еще недооформлен». Причиной тому служила внешнеполитическая обстановка, и титул употреблен по приказу самого Ивана Грозного [51, с. 59–60]. Такое повышение статуса не было в ту пору необычным. К примеру, великий князь Иван III и его наследник Иван Молодой в отношениях с Ливонией именовались царями [52, с. 102].

Как уже сказано, царь Федор Иванович первым стал прямо употреблять титул самодержца, но и он делал так не во всех своих актах. Поскольку в России сохранилось гораздо большее количество средневековых документов, чем в Сербии, Г.А. Острогорскому удалось увидеть в этом закономерность. Прежде всего царь называл себя самодержцем в церковных актах. Этот титул употреблялся и в грамотах, которые царь посылал за рубеж – сперва своим татарским вассалам, а потом и западным правителям. Первое, очевидно, представляло собой продолжение ранее сложившейся традиции; второе подчеркивало иностранным правителям суверенитет московского царя. В латинских версиях грамот титулу *самодержец* обычно соответствовало слово *monarch* или, еще чаще, *dominator* [20, с. 121–126]. В грамотах же, предназначенных для подданных России, он обычно называл себя только царем и великим князем, следуя традиции своих предшественников [75, с. 351–352].

Здесь надо отметить отношение русских правителей к употреблению их титула иностранцами. Еще в правление Ивана Грозного русские дипломаты старались добиться того, чтобы иностранцы по отношению к русскому правителю прилагали титул царя, но не самодержца. Большие проблемы по этому поводу наблюдались в сношениях с польско-литовскими королями и с папой римским – с Польшей они продолжались вплоть до времени правления Михаила Романова, а с папой – до Петра Великого [32, с. 288–400]. Наверное, царский титул для Ивана Грозного был важнее, или, может быть, он знал, что признания себя самодержцем не получит? Грамота вселенско-

го патриарха 1560 г., в которой Иван IV получил признание титула царя, не именует его самодержцем [13, с. 96–104]. Либо ему тогда придавалось меньше значения, либо, может быть, для этого было еще рано.

Во времена же царствования Бориса Годунова и его преемников система титулования была обусловлена и международным признанием самодержавия. Посланники Бориса открыто возражали, если иностранные правители не называли российского царя самодержцем. Использование титула «самодержец» и в российских грамотах стало более частым, чем прежде, и закрепилось в титулатуре Алексея Михайловича (подробнее см.: [75, с. 351–363]). Как считал Г.А. Острогорский, «факт, что титул самодержца стал постоянным в титулатуре русского царя в связи с расширением его власти на Малую и Белую Россию, показывает еще раз и с наибольшей ясностью, что этот титул служил прежде всего выражением государственного суверенитета». При этом удержался тот принцип, что наследники престола не могут называться самодержцами [75, с. 362–363], что означало рецепцию первоначальных, традиционных ромейских понятий.

III. Расхождение путей

Можно заметить, что и в Сербии, и в России идея самодержавия связывалась с независимостью и суверенитетом. Очевидно, главной целью правителей и той, и другой страны в принятии титула самодержца становилось международное положение государства. Однако, из этого проистекали два несколько различных способа употребления титула «самодержец». В Сербии он прежде всего служил для того, чтобы подчеркивать независимость правителя страны в тех случаях, когда не было ее очевидного доказательства. После же венчания Стефана Душана на царство в этом титуле будто больше не было необходимости. В России, наоборот, титулом самодержца стали полноценно пользоваться только после принятия царского титула, да и то не сразу: со времени венчания Ивана Грозного царем до постоянного установления титула самодержца в титулатуре российских царей прошло более ста лет.

В Сербии титул самодержца как бы компенсировал отсутствие титула царя, и в сочетании с ним не был востребован. Стефан Душан в своих греческих грамотах подписывался автократом ради признания своего авторитета в завоеванных им ромейских областях. Принятие ромейской титулатуры могло способствовать признанию легитимности его претензий на вселенское царство и трон в Константинополе – ведь традиция Ромейской империи содержала не только безусловное верховенство ромейских царей, но и оправдание борьбы за власть. И так, хотя титул самодержца в Сербии подчеркивал внешнюю независимость, он, кажется, был предназначен прежде всего для подданных сербского государства.

В России провозглашение правителя самодержцем несомненно преследовало международные цели. Русские цари придавали особое значение тому, чтобы иностранные правители признавали их титул. Осторожность же в его применении, может быть, являлась последствием того, что Ромейское царство уже пало. Ведь одно дело – выражать претензии на существующий престол, как это делало Сербское царство. И тут нужно, конечно, соответствовать определенным идейным и идеологическим требованиям, но суть дела заключалась прежде всего в реальной военной и политической борьбе. Совсем другой замысел – стать преемником царства, которого уже нет, и не на его территории, а в совершенно другой стране. Здесь уже главное – идеалы и дух бывшего Ромейского царства, которым нужно соответствовать, чтобы быть действительно принятым в этой роли. Если бы Москва в этот период не была действительно сильнейшим центром православного христианства, то все заявления о том, что она – новый Константинополь или третий Рим, остались бы пустыми словами (подробнее см. [34, с. 210–220]). Русским правителям также было понятно, что было бы напрасно называть себя самодержцем и преемником ромейских царей, не имея сильной и независимой власти, ее международного признания. Ведь ромейский царь-самодержец был не национальным, а всемирным правителем.

Еще в Средние века значение самодержавия на Руси получало и оттенок деспотической власти. Этот процесс, конечно, был

двусторонним – идея самодержавия влияла на правителей, а их поведение, в свою очередь, видоизменяло содержания атрибута их власти. Поэтому некоторые ученые поднимают вопрос о становлении деспотического самодержавия в этот период (см. [19; 55, с. 216–305]). Но главные изменения значения титула «самодержец» и понятия «самодержавия» все-таки проявились во времена Петра I и его поворота к западным образцам. Как заметил Г.А. Острогорский, с этого времени никто более не оспаривал титула «самодержец» русских царей, но и не соотносил его с ромейским титулом «автократора», греческим эквивалентом латинского обозначения «император», к которому Петр стремился. Первоначальное значение титула «самодержец» было затеряно, он употреблялся в новом, «славянском» смысле слова [75, с. 364]. В то же время общее сознание преемства русскими царями ромейской власти оставалось достаточно сильным. Его выражало обоснование тождества титулов «царя» и «цесаря» (например, см.: [1; 49; 47, с. 48–52]). Тем не менее, попытки отождествлять титулы «самодержец» и «император» отсутствовали. На Западе и раньше русский титул царя иногда отождествлялся с королем, а не с императором (см. [47, с. 39–48]). Наверное, придворные круги не обладали нужными историческими сведениями для того, чтобы выводить право на титул императора из традиции самодержавия.

Принимая в 1721 г. титул императора всероссийского, Петр I продолжал употреблять и титул самодержца, и именно этот факт привел к новому изменению значения понятия самодержавия. Тогда, как российские императоры-самодержцы все более и более принимали западную модель абсолютистского правления, слово «самодержавие» постепенно начало отождествляться с понятием «абсолютизм», как его по отношению к государю определял М.М. Сперанский: «соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения» [37, с. 50]. Предшествующий смысл постепенно забывался. Многие научные работы XIX и XX вв., посвященные самодержавию в России, рассматривали именно указанное значение (например, см.: [31; 54; 2]). Конечно, историки, которые исследовали власть эпохи

Средневековья, осознавали разницу между этим пониманием самодержавия и самодержавием имперского типа (например, см. [16, с. 251]). Сегодняшние ученые стараются дать более уравновешенный анализ целого процесса эволюции и показать, что самодержавие имперского типа включает в себе и старые средневековые корни, и новые западные тенденции (см., например: [25, с. 283–291]).

В нашем исследовании нет необходимости углубляться в это последнее значение самодержавия именно потому, что соответствующего третьего этапа для сравнения Сербии и России попросту нет. Развитие сербского государства было прервано переходом под власть Османской империи. Когда сербская государственность, наконец, была восстановлена в XIX в., она больше не опиралась на средневековые традиции, а строилась изначально на новых основаниях – частично под османским влиянием, но прежде всего опираясь на опыт других христианских стран, как России, так и западноевропейских. Титул самодержца больше не употреблялся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная статья является адаптацией доклада автора «Идея самодержавия в Сербии и России», изложенного на конференции «Право и государство: российская модель государственности в прошлом, настоящем и будущем» (Санкт-Петербург, 10 декабря 2015 г.). Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет.

Оригинальный текст автора статьи. Научный редактор статьи Ю.Я. Вин.

² Названия «Византия» и «Византийское царство/империя» употребляются большинством современных ученых. Однако среди них о правомерности указанного названия согласия нет. Некоторые ученые, оспаривая это название, подчеркивают, что сами жители этого царства называли себя ромеями, то есть «римлянами». Большинство специалистов считают, что название «Византия» создает возможность легко отличать данное государство от Западного Римского Царства (Например, см.: [110, р. 3; 111, р. 72]). Часть историков, подчеркивая римский характер Восточного Царства, выступают против этого различия [101, р. IX etc.]. С другой стороны, имеются византилисты, кто признает название «Византия» совершенно оправданным и соответствующим традиции самой империи [24, с. 17–29]. Нам кажется, что лучше всего употреблять название «Ромейское царство/империя»: его

использовали сами византийцы, и оно позволяет отличать Византию от Римской империи/царства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века / О. Г. Агеева // Мир истории. – 1999. – Вып. 5. – Электрон. мультимедийные дан. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения: 14.07.2017.) – Загл. с экрана.
2. Альшиц, Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного / Д. Н. Альшиц. – Л. : АН СССР : Наука, 1988. – 245 с.
3. Боханов, А. Н. Самодержавие: Идея царской власти / А. Н. Боханов. – М. : Русское слово, 2002. – 352 с.
4. Бурсон, А. Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идейно-политического наследия в конце XV – начале XVI в. / А. Е. Бурсон // Византийский временник. – 1997. – Т. 57. – С. 110–129.
5. Бычкова, М. Е. Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. / М. Е. Бычкова. – М. : ГИКМЗ «Московский кремль», 1995. – 72 с.
6. Бычкова, М. Е. Судебник 1497 г. и чин поставления на великое княжество 1498 г.: идея власти государя / М. Е. Бычкова // Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. – М. : Литагент «ЦГИ», 2015. – С. 211–223.
7. Верховская, Е. А. Характеристика самодержца в предисловиях и послесловиях московских печатных книг второй половины XVII века / Е. А. Верховская // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 9. – М. : МГОМЗ, 2007. – С. 31–40.
8. Гребенюк, В. П. «Самодержец» и «господин» великий московский князь Василий Дмитриевич / В. П. Гребенюк // Слово и культура : сб. ст. памяти Н. И. Толстого / под ред. Т. А. Агапкиной. – М. : РАН : Индрик, 1998. – Т. 2. – С. 311–320.
9. Дьяконов, М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси / М. А. Дьяконов. – СПб. : Право, 1908. – 511 с.
10. Ермолаев, И. П. Становление российского самодержавия: Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему / И. П. Ермолаев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 392 с.
11. Зимин, А. А. Россия на пороге нового времени : (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1972. – 454 с.
12. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории) / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1982. – 333 с.
13. Идея Рима в Москве. XV–XVI вв.: Источники по истории русской общественной мысли. L'idea di Roma a Mosca. Secoli XV–XVI: Fonti per la storia del pensiero sociale russo / под ред. П. Каталано, В. Т. Пашуто ; подг. Н. В. Синицына, Я. Н. Щапов. – Roma : Herder, 1989/1993. – LXXXVII, 448 p.
14. Каждан, А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / А. П. Каждан. – СПб. : Алетей, 2006. – 281 с.
15. Калугин, В. В. «Православное истинное христианское самодержавство» Ивана Грозного» : (Харизматическое понимание царской власти в русской литературе XVI в.) / В. В. Калугин // Русская литература и религия : сб. науч. тр. / под ред. Р. Грюбеля, В. Одинокова. – Новосибирск : Наука, 1997. – С. 9–41.
16. Ключевский, В. О. Боярская дума древней Руси / В. О. Ключевский. – М. : Синодальная типография, 1902. – 547 с.
17. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России / В. Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 280 с.
18. Кобрин, В. Б. Иван Грозный / В. Б. Кобрин. – М. : Московский рабочий, 1989. – 175 с.
19. Кобрин, В. Б. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) / В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 54–64.
20. Комочев, Н. А. К истории царского титула XVI в.: эпитет «самодержец» / Н. А. Комочев // Дни аспирантуры РГГУ / под ред. Д. П. Бака. – М. : РГГУ, 2011. – Вып. 5. – С. 120–126.
21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926. – Т. 1, вып. 1. – VIII с., 286 стб.
22. Лурье, Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. – Л. : Наука, 1979. – 433 с.
23. Манько, А. В. Российская монархия: символика и атрибуты / А. В. Манько. – М. : Вече, 2005. – 350 с.
24. Медведев, И. П. Правовая культура Византийской империи / И. П. Медведев. – СПб. : Алетей, 2001. – 576 с.
25. Медушевская, Н. Ф. Эволюция царя-самодержца в русской правовой мысли / Н. Ф. Медушевская // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе : сб. науч. ст. / под ред. В. П. Малахова, К. Е. Сигалова. – М. : МУ МВД России, 2007. – Вып. 8. – С. 275–291.
26. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – М. : АСТ, 2004. – 605 с.
27. Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. – СПб. : Археографическая комиссия, 1880. – Т. 6. Ч. 1 : Памятни-

ки XI–XV вв. – XX с., 930, 316 стб., 70 с. (Пагинац. особ.)

28. Пирлинг, П. Россия и Востокъ: Царское бракосочетание в Ватикане, Иванъ III и София Палеологъ / П. Пирлинг. – СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1892. – 235 с.

29. Плюханова, М. Б. Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – СПб. : Акрополь, 1995. – 336 с.

30. Поляковская, М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти» / М. А. Поляковская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 334 с.

31. Рожков, Н. А. Происхождение самодержавия въ России / Н. А. Рожков. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1906. – 215 с.

32. Савва, В. И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей / В. И. Савва. – Харьков : Тип. и Лит. М. Зильберберг и С-вья, 1901. – 400 с.

33. Самарин, А. Ю. Киевский «Синописис» о Всея России первейшем самодержце / А. Ю. Самарин // Историк: Журнал об актуальном прошлом. – 2015. – № 6. – С. 34–37.

34. Сеницына, Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Сеницына. – М. : Индрик, 1998. – 415 с.

35. Скрынников, Р. Иван III / Р. Скрынников. – М. : Транзиткнига, 2006. – 288 с.

36. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – М. : Тип. Селивановского, 1819. – Ч. 2. – 612 с.

37. Сперанский, М. М. Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб. : Тип. Втор. Отд. Имп. Величества Канцелярии, 1845. – 170 с.

38. Стоглав: Текст. Словоуказатель. – М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 320 с.

39. Стремоухов, Д. Н. Москва – Третий Рим: источник доктрины : пер. с англ. / Д. Н. Стремоухов // Из истории русской культуры / под ред. А. Ф. Литвиной, Ф. Б. Успенского. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – Т. II, кн. 1 : Киевская и Московская Русь. – С. 425–441.

40. Тавлинов, С. В. Становление Российской государственности: истоки самодержавной власти и геополитика. IX – начало XX в. / С. В. Тавлинов. – М. : Экон-Информ, 2015. – 123 с.

41. Тимошина, Е. В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» / Е. В. Тимошина // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 181–208.

42. Тихонюк, И. А. «Изложение Пасхалии» московского митрополита Зосимы / Тихонюк, И. А.

// Исследования по источниковедению истории СССР, XIII–XVIII вв. : сб. ст. / под ред. В. И. Буганова. – М. : АН СССР : Ин-т истории СССР, 1986. – С. 45–61.

43. Тихонюк, И. А. Чин поставления Дмитрия внука // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / под ред. В. И. Буганова. – М. : АН СССР : Ин-т истории СССР, 1987. – Вып. 3. – С. 459–696.

44. Ульянов, О. Г. О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») / О. Г. Ульянов // Терминология исторической науки. Историческое описание / под ред. М. С. Бобковой, С. Г. Мереминского. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2010. – С. 196–214.

45. Успенский, Ф. И. Брак царя Ивана Васильевича III с Софией Палеолог / Ф. И. Успенский // Исторический вестник. – 1887. – Т. 30. – С. 680–693.

46. Успенский, Б. А. Царь и патриарх: Харизма власти в России : (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 680 с.

47. Успенский, Б. А. Царь и император : Поманение на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 2000. – 140 с.

48. Успенский, Б. А. Поставление на царство в русской и византийской традициях / Б. А. Успенский // Православное учение о церковных таинствах: V Междунар. богослов. конф. Русской Православной Церкви, г. Москва, 13–16 нояб. 2007 г. – М. : Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. – Т. 3. – С. 416–440.

49. Успенский, Б. А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого : (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) / Б. А. Успенский, М. Ю. Лотман // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции / под ред. В. Г. Базанова. – М. : АН СССР, 1976. – С. 236–249.

50. Устрялов, Н. Сказания Князя Курбского / Н. Устрялов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук, 1868. – 460 с.

51. Филюшкин, А. И. Титулы русских государей / А. И. Филюшкин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2006. – 256 с.

52. Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1980. – 295 с.

53. Хорошкевич, А. Л. Символы русской государственности / А. Л. Хорошкевич. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 96 с.

54. Шмидт, С. О. Становление российского самодержавства / С. О. Шмидт. – М. : Мысль, 1973. – 359 с.

55. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 448 с.
56. Благојевић, М. Византијска хијерархија владара у светлости српских извора / М. Благојевић // Немањићи и Лазаревићи и српска средњовековна државност. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2004. – С. 247–275.
57. Благојевић, М. Српска државност у средњем веку / М. Благојевић. – Београд : Српска књижевна задруга, 2011. – 429 с.
58. Бојовић, Б. И. Краљевство и светост: политичка филозофија средњовековне Србије / Б. И. Бојовић. – Београд : Службени лист СРЈ, 1999. – 414 с.
59. Бојовић, Б. И. Византија, Балкан, Европа: Припадност и оностраност / Б. И. Бојовић. – Београд : Службени гласник, 2014. – 436 с.
60. Бубало, Ђ. Писана реч у српском средњем веку: Значај и употреба писаних докумената у средњовековном српском друштву / Ђ. Бубало. – Београд : Стубови културе, 2009. – 358 с.
61. Бубало, Ђ. Српска земља и поморска у доба владавине Немањића, књига I: Од Сабора у Расу до Сабора у Дежеву / Ђ. Бубало. – Београд : Филип Вишњић, 2016. – 257 с.
62. Грчке повеље српских владара / прир. А. Соловјев, В. Мошин. – Београд : СКА, 1936. – СХХХII, 537 с.
63. Динић, М. Душанова царска титула у очима савременика / М. Динић // Из српске историје средњег века. – Београд : Equilibrium, 2003. – С. 187–212.
64. Законски споменици српских држава средњег века / прир. С. Новаковић. – Београд : СКА, 1912. – ХLII, 912 с.
65. Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника / прир. В. Мошин, С. Ћирковић, Д. Синдик. – Београд : Историјски институт, 2011. – Књ. I : 1186–1321. – 652 с.
66. Калић, Ј. Борбе и тековине великог жупана Стефана Немање / Ј. Калић // Историја српског народа, прва књига: Од најстаријих времена до Маричке битке (1371) / прир. С. Ћирковић. – Београд : Српска књижевна задруга, 2000. – С. 251–262.
67. Коматина, И. Црква и држава у српским земљама од XI до XIII века / И. Коматина. – Београд : Историјски ин-т, 2016. – 447 с.
68. Константин Филозоф. Повест о словима (Сказаније о писменех): изводи – Житије деспота Стефана Лазаревића / Константин Филозоф. – Београд : Просвета : Српска књижевна задруга, 1989. – 161 с.
69. Максимовић, Љ. Краљ Драгутин у очима Византинца / Љ. Максимовић // Рачански зборник / Научни скуп: Краљ Драгутин у историји и уметности; прир. Д. Давидов. – Бајина Башта : Фондација Рачанска баштина, 1998. – Књ. – С. 97–104.
70. Марјановић-Душанић, С. Владарске инсигније и државна симболика у Србији од XIII до XV века / С. Марјановић-Душанић. – Београд : САНУ, 1994. – 220, 21 с.
71. Марјановић-Душанић, С. Владарска идеологија Немањића: Дипломатичка студија / С. Марјановић-Душанић. – Београд : Српска књижевна задруга : Свети архијерејски синод Српске православне цркве : Сlio, 1997. – 350 с.
72. Марјановић-Душанић, С. Свети краљ / С. Марјановић-Душанић. – Београд : Сlio, 2007. – 665 с.
73. Михалчић, Р. Владарске титуле обласних господара / Р. Михалчић. – Београд : Српска школска књига : Knowledge, 2001. – 318 с.
74. Острогорски, Г. Автократор и самодржац / Г. Острогорски // Глас Српске краљевске академије. – Београд, 1935. – Т. CLXIV, други разред, Књ. 84. – С. 95–187.
75. Острогорски, Г. Автократор и самодржац / Г. Острогорски // Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1970. – Књ. 4 : Византија и Словени. – С. 281–364.
76. Острогорски, Г. Византијски систем хијерархије држава / Г. Острогорски // Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1970. – Књ. 5 : О веровањима и схватањима Византинца. – С. 238–262.
77. Острогорски, Г. Византијски цар и светски хијерархијски поредак / Г. Острогорски // Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1970. – Књ. 5 : О веровањима и схватањима Византинца. – С. 263–277.
78. Острогорски, Г. Обреди крунисања из књиге о церемонијама / Г. Острогорски, Е. Штајн // Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1970. – Књ. 5 : О веровањима и схватањима Византинца. – С. 278–317.
79. Острогорски, Г. О царевом миропомазању и подизању на штит у позновизантијском церемонијалу / Г. Острогорски // Сабрана дела. – Београд : Просвета, 1970. – Књ. 5 : О веровањима и схватањима Византинца. – С. 318–329.
80. Пириватрић, С. Манојло I Комнин, «царски сан» и «самодршци области српског престола» / С. Пириватрић // Зборник радова Византолошког института. – 2011. – Т. XLVIII. – С. 89–118.
81. Свети Сава. Сабрани списи / прир. Д. Богдановић. – Београд : Просвета – Српска књижевна задруга, 1986. – 213 с.
82. Соловјев, А. В. Законодавство Стефана Душана, цара Срба и Грка / А. В. Соловјев. – Скопље : Скопско научно друштво, 1928. – 250 с.
83. Соловјев, А. В. Пребегар у Брскову / А. В. Соловјев // Југословенски историјски часопис. – 1937. – № 3. – С. 270–275.
84. Станковић, В. Природа византијског утицаја у Србији (крај XI века – крај XIII века): стварност – политика – идеологија / В. Станковић // Путовања кроз Византију. – Београд : Службени гласник, 2014. – С. 279–297.

85. Станојевић, С. Студије о српској диплома-
тици II: Интитулација / С. Станојевић // Глас СКА. –
1913. – Т. 92. – С. 110–162.
86. Станојевић, С. Студије о српској диплома-
тици XIII: Потпис / С. Станојевић // Глас СКА. –
1923. – Т. 106. – С. 22–49.
87. Стефан Првовенчани. Сабрани списи / Сте-
фан Првовенчани ; прир. Љ. Јухас-Георгиевска. –
Београд : Просвета – Српска књижевна задруга,
1988. – 201 с.
88. Тарановски, Т. Историја српског права у
Немањинској држави / Т. Тарановски. – Београд :
Службени лист СРЈ, 1996. – 805 с.
89. Трифуновић, Ђ. Запис старца Симеона у
Вукановом јеванђељу: Издање текста / Ђ. Трифу-
новић // Са светогорских извора. – Београд : Служ-
бени лист СЦГ, 2004. – С. 65–88.
90. Ћирковић, С. Сусрети великих цивилиза-
ција око 1300. Исток и Запад у југоисточној Европи
/ С. Ћирковић // Работници, војници, духовници:
друштва средњовековног Балкана. – Београд :
Equilibrium, 1997. – С. 369–376.
91. Ћирковић, С. Краљ Стефан Драгутин / С. Ћир-
ковић // Рачански зборник: Научни скуп: Краљ Дра-
гутин у историји и уметности / прир. Д. Давидов. –
Бајина Башта : Фондација Рачанска баштина, 1998. –
Књ. 3. – С. 11–20.
92. Ћирковић, С. Унутрашње и спољне кризе у
време Немањиних наследника / С. Ћирковић // Исто-
рија српског народа / прир. С. Ћирковић. – Београд :
Српска књижевна задруга, 2000. – Књ. 1 : Од најстари-
јих времена до Маричке битке (1371). – С. 263–272.
93. Ферјанчић, Б. Византија и Јужни Словени /
Б. Ферјанчић. – Београд : Завод за издавање уџбе-
ника СР Србије, 1966. – 119 с.
94. Ферјанчић, Б. Одбрана Немањиног на-
слеђа – Србија постаје краљевина / Б. Ферјанчић
// Историја српског народа / прир. С. Ћирковић. –
Београд : Српска књижевна задруга, 2000. – Књ. 1 :
Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). –
С. 297–314.
95. Чremoшник, Г. Студије из српске палеогра-
фије и дипломатике / Г. Чremoшник // Гласник Скоп-
ског научног друштва. – 1940. – Т. XXI. – С. 1–19.
96. Ahrweiler, H. L'idéologie politique de l'Empire
byzantin / H. Ahrweiler. – Paris : Pr. univers. de France,
1975. – 159 p.
97. Dagron, G. Emperor and Priest: The Imperial
Office in Byzantium / G. Dagron ; transl. by J. Birrell. –
Cambridge : Cambr. Univ. Press, 2003. – 337 p.
98. Dölger, F. Facsimiles byzantinischer
Kaiserurkunden / F. Dölger. – München : Mittel- und
neugriechisches Seminar der Universität München,
1931. – 68, 25 S.
99. Dölger, F. Das byzantinische Mitkaisertum in
den Urkunden / F. Dölger // Byzantinische Diplomatik:
20. Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner, Speyer
a/Rhein : Buch-Kunstverlag Ettal, 1956. – S. 102–129.
100. Featherstone, J. Emperor and Court
/ J. Featherstone // The Oxford Handbook of Byzantine
Studies / ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. –
Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 505–517.
101. Kaldellis, A. The Byzantine Republic: People
and Power in New Rome / A. Kaldellis. – Cambridge ;
Massachusetts and London, England : Harvard
University Press, 2015. – 290 p.
102. Liddell, H. G., Scott, R. A Greek-English Lexicon
(revised by sir Henry Stuart Jones) / H. G. Liddell,
R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2041, 320 p.
103. Maksimović, Lj. Das Kanzleiwesen der
serbischen Herrscher / Lj. Maksimović // Kanzleiwesen
und Kanzleisprachen im östlichen Europa / hsg. v.
C. Hannick. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1999. –
S. 25–54.
104. Maksimović, Lj. La Serbie et les contrées
voisines avant et après la IVe croisade / Lj. Maksimović
// Urbs Capta : The Fourth Crusade and its
Consequences / La IVe Croisade et ses conséquences
/ ed. by A. Laiou. – Paris : Lethielleux, 2005. – P. 269–282.
105. Marjanović-Dušanić, S. Patterns of Martyrial
Sanctity in the Royal Ideology of Medieval Serbia:
Continuity and Change / S. Marjanović-Dušanić
// Balcanica. – 2006. – Vol. 37. – P. 69–79.
106. Monumenta Serbica: spectantia historiam
Serbiae, Bosnae, Ragusii / ed. F. Miklosich. – Vienna :
G. Braumüller, 1858. – 580 p.
107. Obolensky, D. The Byzantine Commonwealth:
Eastern Europe 500–1453 / D. Obolensky. – New York ;
Washington : Praeger Publishers, 1971. – 445 p.
108. The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. by
A. P. Kazhdan. – New York ; Oxford : Oxford Univer.
Press, 1991. – Vol. 1. – 728 p.
109. Raybaud, L. P. Le gouvernement et
l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les
premiers Paléologues (1258–1354) / L. P. Raybaud. –
Paris : Editions Sirey, 1968. – 294 p.
110. Treadgold, W. A History of the Byzantine State
and Society / W. Treadgold. – Stanford : Stanford
University Press, 1997. – 1020 p.
111. Treadgold, W. The Persistence of Byzantium
/ W. Treadgold // The Willson Quarterly. – 1998. –
Autumn. – P. 66–91.
112. Život, Sv. Symeona od Krále Štěpána.
Z rukopisu XIII. Století / Sv. Život ; vyd. P. J. Šafárik. –
Praha : B. Tempský, 1868. – 30 s.

REFERENCES

1. Ageeva O.G. Titul "imperator" i ponyatie
"imperiya" v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka [The
Title "Emperor" and the Notion of "Empire" in Russia

in the First Quarter of the 18th Century]. *Mir istorii*, 1999, vol. 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (accessed July 14, 2017).

2. Alshits D.N. *Nachalo samoderzhavii v Rossii: Gosudarstvo Ivana Groznogo* [Beginnings of Self-Government in Russia: The Country of Ivan the Terrible]. Leningrad, AN SSSR Publ., Nauka Publ., 1988. 245 p.

3. Bokhanov A.N. *Samoderzhavie: Ideya tsarskoy vlasti* [Self-Government: The Idea of the Power of Tsars]. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2002. 352 p.

4. Burson A.E. Chin postavlenniy na velikoe knyazhenie Dmitriya-vnuka i problema vizantiyskogo ideyno-politicheskogo naslediya v konce XV – nachale XVI v. [The Act of Naming of Dmitry the Grandson to Grand Princehood and the Problem of Byzantine Ideological and Political Heritage in the Late 15th – Early 16th Century]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1997, vol. 57, pp. 110-129.

5. Bychkova M.E. *Moskovskie samoderzhitsi. Istoriya vozvedeniya na prestol. Obryady i regalii*. [The Muscovite Samoderzhitsi. The History of Rising to the Throne. Ceremonies and regalia]. Moscow, GIKMZ “Moskovskiy Kreml”, 1995. 72 p.

6. Bychkova M. E. Sudebnik 1497 g. i chin postavlenniy na velikoe knyazhestvo 1498 g.: ideya vlasti gosudarya [The Sudebnik of 1497 and the Act of Naming to Grand Princehood of 1498: The Idea of the Sovereign’s Power]. *Russko-litovskaya znat XV-XVII vv. Istochnikovedenie. Genealogiya. Geraldika*. [The Russian-Lithuanian Nobility of the 15th-17th Centuries. Source Study. Genealogy. Heraldry] Moscow, Litagent “CRI”, 2015, pp. 211-223.

7. Verkhovskaya E.A. Kharakteristika samoderzhitsa v predisloviyah i poslesloviyah moskovskikh pechatnykh knig vtoroy poloviny XVII veka [Characterisation of the autokrator in the Forewords and Afterwords of Moscow Printed Books in the Second Half of the 17th Century]. *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoe: Materials and Research], vol. 9. Moscow, MGOMZ, 2007, pp. 31-40.

8. Grebenyuk V. P. “Samoderzhets” i “gospodin” velikiy moskovskiy knyaz Vasiliiy Dmitrievich [“Autokrator” and “Lord”, the Grand Prince of Moscow Vasiliiy Dmitrievich]. Agapkina T. A., ed. *Slovo i kultura, Sb. St. Pamyati N.I. Tolstogo* [Word and Culture, Collection of Articles in the Memory of N. I. Tolstoy]. Moscow, RAN Publ., Indrik Publ., 1998, vol. 2, pp. 311-320.

9. Dyakonov M.A. *Ocherki obschestvennogo i gosudarstvennogo stroya drevney Rusi* [Essays on the Social and State Structure of Ancient Rus]. Saint Petersburg, Pravo Publ., 1908. 511 p.

10. Ermolaev I.P. *Stanovlenie rossiyskogo samoderzhaviya: Istoki i usloviya ego formirovaniya: vzglyad na problemu* [The Becoming of Russian

Autocracy: Sources and Conditions of Its Forming: An Outlook on the Problem]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo Universiteta, 2004. 392 p.

11. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia on the Threshold of the Modern Era (Essays on the Political History of Russia of the First Half of the 16th Century)]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 454 p.

12. Zimin A.A. *Rossiya na rubezhe XV-XVI stoletiy (ocherki socialno-politicheskoy istorii)* [Russia at the Turn of the 15th-16th Century (Essays on Social and Political History)]. Moscow, Mysl Publ., 1982. 333 p.

13. Catalano P., Paschutto V.T., eds. *Ideya Rima v Moskve. XV-XVI vv.: Istochniki po istorii russkoy obschestvennoy mysli* [The Idea of Rome in Moscow. 15th-16th Century: Sources for the History of Russian Social Thought] / L’idea di Roma a Mosca. Secoli XV–XVI: Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Roma, Herder, 1989/1993. LXXXVII, 448 p.

14. Kazhdan A.P. *Vizantiyskaya kultura (X-XII vv.)* [Byzantine Culture (10th-12th Centuries)]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2006. 281 p.

15. Kalugin V.V. “Pravoslavnoe istinnoe hristianskoe samoderzhavstvo” Ivana Groznogo (Harizmaticheskoe ponimanie tsarskoy vlasti v russkoy literature XVI v.) [“Orthodox True Christian Autocracy” of Ivan the Terrible (Charismatic Understanding of the Power of the Tsar in Russian Literature of the 16th Century)]. Gryubel R., Odinkov V., eds. *Russkaya literatura i religiya: Sbornik nauchnih trudov* [Russian Literature and Religion: A Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, pp. 9-41.

16. Klyuchevskiy V.O. *Boyarskaya дума drevney Rusi* [The Boyar Duma of Ancient Rus]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1902. 547 p.

17. Kobrin V.B. *Vlast i sobstvennost v srednevekovoy Rossii* [Power and Property in Medieval Russia]. Moscow, Mysl Publ., 1985. 280 p.

18. Kobrin V.B. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1989. 175 p.

19. Kobrin V.B., Yurganov A.L. Stanovlenie despoticheskogo samoderzhaviya v srednevekovoy Rusi (k postanovke problemy) [The Becoming of Despotism Autocracy in Medieval Rus (Towards the Laying Out of the Problem)]. *Istoriya SSSR*, 1991, vol. 4, pp. 54-64.

20. Komochev N.A. K istorii carskogo titulara XVI v.: epitet “samoderzhets” [Towards a History of the Title of Tsar of the 16th Century: The Epithet “Samoderzhets”]. Bak D.P., ed., *Dni aspirantury RGGU* [Postraduate Days of the RGGU]. Moscow, RGGU, 2011, iss. 5, pp. 120-126.

21. Lavrentyevskaya letopis [The Lavrentyevskaya Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Full

Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1926, vol. 1, iss. 1, VIII p., 286 col.

22. Lurye Ya.S., Rykov Yu.D. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [The Correspondence of Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 433 p.

23. Manko A.V. *Rossiyskaya monarhiya: simbolika i atributy* [The Russian Monarchy: Symbols and Attributes]. Moscow, Veche Publ., 2005. 350 p.

24. Medvedev I.P. *Pravovaya kultura Vizantiyskoy imperii* [The Legal Culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2001. 576 p.

25. Medushevskaya N.F. *Evolyuciya tsarya-samoderzhetsa v russkoy pravovoy mysly* [The Evolution of the Tsar-Samoderzhets in Russian Legal Thought]. Malahov V.P., Sigalov K.E., eds. *Problemy razvitiya gosudarstva i prava v sovremennom rossiyskom obschestve: Sbornik nauchnykh statey* [Problems of the Development of State and Law in Modern Russian Society: Collection of Scientific Papers, vol. 8]. Moscow, MU MVD Rossii, 2007, iss. 8, pp. 275-291.

26. Nikolskiy N.M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Izd-vo AST, 2004. 650 p.

27. Pamyatniki drevne-russkago kanonicheskago prava [Monuments of Old Russian Canon Law], *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoyu kommissieyu* [Russian Historical Library, Published by the Archeographic Committee]. Saint Petersburg, Archeograficheskaya kommissiya, 1990, vol. 6, pt. 1: *Pamyatniki XI-XV v.* [Monuments of the 11th-15th Centuries]. XX p., 930, 316 col., 70 p. (Pagin. special)

28. Pirling P. *Rossiya i Vostok: Tsarskoe brakosochetanie v Vatikane, Ivan III i Sofiya Paleolog* [Russia and the East: An Imperial Marriage in Vatican: Ivan III and Sophia Palaiologina]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1892. 235 p.

29. Plyuhanova M.B. *Syuzheti i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Stories and Symbols of the Tsardom of Moscow]. Saint Petersburg, Akropol Publ., 1995. 336 p.

30. Polyakovskaya M.A. *Viyantiyskiy dvortsoviy tseremonial XIV v.: "Teatr vlasti"* [Byzantine Court Ceremonies of the 14th Century: "The Theatre of Power"]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 334 p.

31. Rozhkov N.A. *Proishozhdenie samoderzhaviya v Rossii* [The Origins of Autocracy in Russia]. Moscow, Tovarischestvo tipografii A.I. Mamontova, 1906. 215 p.

32. Savva V.I. *Moskovskie tsari i vizantiyskie vasilevtsy. K voprosu o vliyaniy Vizantii na obrazovanie idei tsarskoy vlasti moskovskih gosudarey* [Tsars of Moscow and Basileis of Byzantium. Regarding the Question of Byzantine

Influence on the Formation of the Idea of the Imperial Power of the Lords of Moscow]. Harkov, Tipografiya i Litografiya M. Zilberberg i S-vya, 1901. 400 p.

33. Samarin A.Yu. *Kievskiy "Sinopsis" o Vseya Rossii perveyshem samoderzhtse* [The Synopsis of Kiev on the First Autokrator of All Russia]. *Istoriik: Zhurnal ob aktualnom proshlom*, 2015, vol. 6, pp. 34-37.

34. Sinitsyna N.V. *Tretiy Rim: Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV-XVI vv.)* [The Third Rome: Sources and Evolution of the Russian Medieval Conception (15th-16th Century)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 415 p.

35. Skrynnikov R. *Ivan III*. Moscow, Tranzitkniga Publ., 2006. 288 p.

36. *Sobranie gosudarstvennih gramot i dogovorov, hranyaschihsya v Gosudarstvennoy kollegii inostrannih del, chast vtoraya* [Collection of State Charters and Agreements, Kept in the Governmental Collegium of Foreign Affairs, Part Two]. Moscow, Tipografiya Selivanovskogo, 1819. 612 p.

37. Speranskiy M.M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide for the Understanding of Laws]. Saint Petersburg, Tipografiya Vtorago Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1845. 170 p.

38. *Stoglav: Tekst. Slovoukazatel*. [Stoglav: Text. Index]. Moscow; Saint Petersburg, Institut rossiyskoy istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh iniciativ, 2015. 320 p.

39. Stremouhov D.N. *Moskva – Tretiy Rim: istochnik doktriny* [Moscow – The Third Rome: Source of the Doctrine], transl. from English, Litvina A. F., Uspenskiy F. B., eds. *Iz istorii russkoy kulturi* [From the History of Russian Culture], Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2002, vol. 2, book 1, *Kievskaya i Moskovskaya Rus* [Kiev and Moscow Rus], pp. 425-441.

40. Tavlinov S.V. *Stanovlenie Rossiyskoy gosudarstvennosti: istoki samoderzhavnoy vlasti i geopolitika. IX - nachalo XX v.* [The Becoming of Russian Statehood: Sources of Samoderzhavnaya Power and Geopolitics. 9th – Early 20th Century]. Moscow, Econ-Infom Publ., 2015. 123 p.

41. Timoshina E.V. *Teoriya "Tretyego Rima" v sochineniyah "Filofeeva tsikla"* [Theory of the "Third Rome" in Texts of the "Filofey's Cycle"]. *Pravovedenie*, 2005, vol. 4, pp. 181-208.

42. Tihonyuk I.A. *"Izlozhenie Paschalii" moskovskogo mitropolita Zosimy* [The "Exposition of the Computus" of the Metropolitan of Moscow, Zosima]. Buganov V.I., ed. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR, XIII-XVIII vv.: Sbornik statey* [Research on the Source Study of the History of the USSR, 13th-18th Century: Collection of Papers]. Moscow, AN SSSR Publ., Institut istorii SSSR Publ., 1986, pp. 45-61.

43. Tikhonyuk I.A. Chin postavljenja Dmitriyavnuka [The Act of Naming of Dmitry the Grandson]. Buganov V. I., ed. *Russkiy feodalniy arhiv XIV – pervoy treti XVI veka* [Russian Feudal Archives from the 14th to the First Third of the 16th Century]. Moscow, AN SSSR Publ., Institut istorii SSSR Publ., 1987, pp. 459-696.
44. Ulyanov O.G. O vremeni zarozhdeniya na Rusi kontseptsii “Moskva – Tretiy Rim” (“Donatio Constantini Magni” i “Povest o belom klobuke”) [On the Time of Nascence in Rus of the Conception “Moscow – The Third Rome” (“Donatio Constantini Magni” and “Povest o belom klobuke”). Bobkova M.S., Mereminskiy S.G., eds. *Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisanie*. [Terminology of Historical Sciences. The Writing of History]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2010, pp. 196-214.
45. Uspenskiy T.I. Brak tsarya Ivana Vasilyevicha III s Sofiey Paleolog [The Marriage of Tsar Ivan Vasilyevich III to Sofia Palailogina]. *Istoriicheskii vestnik*, 1887, vol. 30, pp. 680-693.
46. Uspenskiy B. A. *Tsar i patriarkh: Harizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch: The Charisma of Power in Russia (The Byzantian Model and Its Russian Reimagining)]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1998. 680 p.
47. Uspenskiy B.A. *Tsar i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshih titulov* [Tsar and Emperor: The Anointment of a Tsar and the Semantics of Monarchic Titles]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2000. 140 p.
48. Uspenskiy B.A. Postavljenje na tsarstvo v russkoy i vizantiyskoy traditsiyah [The Naming of an Emperor in Russian and Byzantine Traditions]. *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnih tainstvah: V Mezhdunarodnaya Bogoslovskaya Konferentsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, Moskva, 13–16 noyabrya 2007 g.* [5th International Theological Conference of the Russian Orthodox Church: The Orthodox Doctrine of the Sacrament, Moscow, November 13th-16th 2007]. Moscow, Sinodalnaya bibleysko-bogoslovskaya komissiya, 2009, vol. 3, pp. 416-440.
49. Uspenskiy B.A., Lotman Yu.M. Otvzuki kontseptsii “Moskva – Tretiy Rim” v ideologii Petra Pervogo (K problem srednevekovoy traditsii v culture barokko) [The Conception “Moscow is a Third Rome” in Peter the Great’s Ideology (on the Medieval Tradition in Barocco Culture)]. Bazanov V.G., ed. *Kulturnoe nasledie Drevney Rusi. Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [The Cultural Heritage of Ancient Rus. Origins. Becoming. Traditions]. Moscow, AN SSSR Publ., 1976, pp. 236-249.
50. Ustryalov N. *Skazaniya Knyazya Kurbskago* [The Lores of Prince Kurbsky]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1868. 460 p.
51. Filyushkin A.I. *Tituly russkih gosudarey* [Titles of Russian Rulers]. Moscow, Saint Petersburg, Alyans-Arheo Publ., 2006. 256 p.
52. Horoshkevich A.L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnih otnosheniy kontsa XV – nachala XVI v.* [The Russian Country in the System of International Relations of the Late 15th – Early 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 295 p.
53. Horoshkevich A.L. *Simvoly russkoy gosudarstvennosti* [Symbols of Russian Statehood]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1993. 96 p.
54. Schmidt S.O. *Stanovleniye rossiyskogo samodержavstva* [The Becoming of Autocracy in Russia]. Moscow, Mysl Publ., 1973. 359 p.
55. Yurganov A.L. *Kategorii russkoy srednevekovoy kultury* [The Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, MIROS Publ., 1998. 448 p.
56. Blagoevich M. Vizantiyska hiyerarhiya vladara u svetlosti srpskih izvora [The Byzantine Hierarchy of Rulers in the Light of Serbian Sources]. *Nemanyichi i Lazarevichi i srpska srednjovekovna drzhavnost* [The Nemanjich and the Lazarevich Dynasties and Serbian Medieval Statehood]. Belgrade, Zavod za udzhenike i nastavna sredstva, 2004, pp. 247-275.
57. Blagoyevich M. *Srpska drzhavnost u srednyem veku* [Serbian Statehood in the Middle Ages]. Belgrade, Srpska knjizhevna zadruga, 2011. 429 p.
58. Boyovich B.I. *Kraljevstvo i svetost: politichka filozofiya srednyovekovne Srbiye* [Kingdom and Sainthood: The Political Philosophy of Medieval Serbia]. Belgrade, Sluzhbeni list SRY, 1999. 414 p.
59. Boyovich B.I. *Vizantiya, Balkan, Evropa: Pripadnost i onostranost* [Byzantium, Balkans, Europe: Belonging and Otherworldliness]. Belgrade, Sluzhbeni glasnik, 2014. 436 p.
60. Bubalo Dj. *Pisana rech u srpskom srednyem veku: Znachay i upotreba pisanih dokumenata u srednyovekovnom srpskom drushtvu* [The Written Word in the Serbian Middle Ages: The Significance and Use of Written Documents in Medieval Serbian Society]. Belgrade, Stubovi culture, 2009. 358 p.
61. Bubalo Dj. *Srpska zemlya i pomorska u doba vladavine Nemanyicha, knyiga I: Od Sabora u Rasu do Sabora u Dezhevu* [Serbian and Seaside Land in the Age of Nemanjich Rule, Book I: From the Sabor in Ras to the Sabor in Dezhevo]. Belgrade, Filip Vishnyich, 2016. 257 p.
62. Solovyev A., Moshin V., eds. *Grchke povelye srpskih vladara* [Greek Charters of Serbian Rulers]. Belgrade, SKA, 1936. CXXXII, 537 p.
63. Dinich M. Dushanova carska titular u ochima savremenika [Dushan’s Imperial Title in the Eyes of Contemporaries]. *Iz srpske istorije srednyega veka* [From Serbian History of the Middle Ages]. Belgrade, Equilibrium, 2003, pp. 187-212.

64. Novakovich S., ed. *Zakonski spomenitsi srpskih drzhava srednyega veka* [Legal Monuments of Serbian Medieval States]. Belgrade, SKA, 1912. XLII, 912 p.

65. Moshin V., Chirkovich S., Sindik D., eds. *Zbornik srednjovekovnih chirlichkih poveleya i pisama Srbiye, Bosne i Dubrovnika: Knyiga I, 1186-1321* [Collection of Medieval Cyrillic Charters and Letters of Serbia, Bosnia and Dubrovnik: Book I, 1186-1321]. Belgrade, Istorijiski institut, 2011. 652 p.

66. Kalich Y. *Borbe i tekovine velikog zhupana Stefana Nemanye* [The Battles and Legacies of Grand Zhupan Stefan Nemanya]. Chirkovich S., ed. *Istoriya srpskog naroda, prva knyiga: Od naystariyih vremena do Marichke bitke (1371)* [History of the Serbian People, Book One: From the Ancient Times to the Battle of Maritsa (1371)]. Belgrade, Srpska knjizhevna zadruga, 2000, pp. 251-262.

67. Komatina I. *Tsrkva i drzhava u srpskim zemlyama od XI do XIII veka* [Church and the State in Serbian Lands from the 11th to the 13th Century]. Belgrade, Istorijiski institut, 2016. 447 p.

68. Konstantin Filozof [Constantine the Philosopher]. *Povest o slovima (Skazaniye o pismeneh): izvodi – Zhitiye despota Stefana Lazarevicha* [The History of Letters (Skazaniye o pismeneh): excerpts – The Life of Despot Stefan Lazarevich]. Belgrade, Prosveta, Srpska knjizhevna zadruga, 1989. 161 p.

69. Maksimovich Lj. *Kralj Dragutin u ochima Vizantinaca* [King Dragutin in the Eyes of the Byzantines]. Davidov D., ed. *Rachanski zbornik, Nauchni skup: Kralj Dragutin u istoriji i umetnosti* [The Racha Collection, Scientific Conference: King Dragutin in History and Art]. Bayina Bashta, Fondatsiya Rachanska bashtina, 1998, iss. 3, pp. 97-104.

70. Maryanovich-Duschanich S. *Vladarske insigniye i drzhavna simbolika u Srbiji od XIII do XV veka* [The Rulers' Insignia and the State Symbolism in Serbia from the 13th to the 15th Century]. Belgrade, SANU, 1994. 220, 21 p.

71. Maryanovich-Duschanich S. *Vladarska ideologiya Nemanyicha: Diplomachka studiya* [The Ruling Ideology of the Nemanyich Dynasty: A Diplomatic Study]. Belgrade, Srpska knjizhevna zadruga, Sveti arhiyereyski sinod Srpske pravoslavne crkve, Clio, 1997. 350 p.

72. Maryanovich-Duschanich S. *Sveti kralj* [The Holy King]. Belgrade, Clio, 2007. 665 p.

73. Mihalychich R. *Vladarske titule oblasnih gospodara* [Monarchic Titles of Local Lords]. Belgrade, Srpska shkolska knyiga, Knowledge, 2001. 318 p.

74. Ostrogorsky G. *Avtokrator i samodrzhat* [Autokrator and Samoderzhets]. *Glas Srpske kraljevske akademije*, Beograd, 1935, vol. 84, pp. 95-187.

75. Ostrogorsky G. *Avtokrator i samodrzhat* [Autokrator and Samoderzhets]. *Sabrana dela* [Collected Works]. Belgrade, Prosveta, 1970, vol. 4: *Vizantiya i Sloveni* [Byzantium and the Slavs], pp. 281-364.

76. Ostrogorsky G. *Vizantiyski sistem hierarhiye drzhava* [The Byzantine System of Hierarchy of States]. *Sabrana dela* [Collected Works]. Belgrade, Prosveta, 1970, vol. 5: *O verovanyima i shvatanyima Vizantinatsa* [On the Beliefs and Notions of Byzantines], pp. 238-262.

77. Ostrogorsky G. *Vizantiyski tsar i svetski hierarhiyski poredak* [The Byzantine Emperor and the World Hierarchical Order]. *Sabrana dela* [Collected Works]. Belgrade, Prosveta, 1970, vol. 5: *O verovanyima i shvatanyima Vizantinatsa* [On the Beliefs and Notions of Byzantines], pp. 263-277.

78. Ostrogorsky G., Stein E. *Obredi krunisanya iz knyige o tseremoniyama* [Rites of Coronation from the Book of Ceremonies]. *Sabrana dela* [Collected Works], Belgrade, Prosveta, 1970, vol. 5: *O verovanyima i shvatanyima Vizantinatsa* [On the Beliefs and Notions of Byzantines], pp. 278-317.

79. Ostrogorsky G. *O tsarevom miropomazanyu i podizanyu na shtit u poznovizantiyskom tseremoniyalu* [On the Emperor's Anointing and the Raising onto a Shield in Late Byzantine Ceremonies]. *Sabrana dela* [Collected Works], Belgrade, Prosveta, 1970, vol. 5: *O verovanyima i shvatanyima Vizantinatsa* [On the Beliefs and Notions of Byzantines], pp. 318-329.

80. Pirivatrich S. *Manojlo I Komnin, "carski san" i "samodrzhtsi oblasti srpskog prestola"* [Manuel I Komnenos, "carski san" and "samodrzhtsi oblasti srpskog prestola"]. *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*, 2011, vol. 48, pp. 89-118.

81. Sveti Sava [Saint Sava]. Bogdanovich D., ed. *Sabrani spisi* [Collected Writings]. Belgrade, Prosveta, Srpska knjizhevna zadruga, 1986. 213 p.

82. Solovyev A.V. *Zakonodavstvo Stefana Dushana, tsara Srba i Grka* [The Legislation of Stefan Dushan, Emperor of the Serbs and Greeks]. Skoplje, Skopsko nauchno drushtvo, 1928. 250 p.

83. Solovyev A.V. *Prebegar u Brskovu* [Prebegar in Brskovo]. *Yugoslovenski istorijiski chasopis*, 1937, vol. 3, pp. 270-275.

84. Stankovich V. *Priroda vizantiyskog utitsaya u Srbiji (kray XI veka – kray XIII veka): stvarnost – politica – ideologiya* [The Nature of Byzantine Influence in Serbia (Late 11th – Late 13th Century): Reality – Politics – Ideology]. *Putovanya kroz Vizantiyu* [Travels in Byzantium]. Belgrade, Sluzhbeni glasnik, 2014, pp. 279-297.

85. Stanoyevich S. *Studiye o srpskoj diplomatitsi II: Intitulatsiya* [Studies on Serbian Diplomats II: Intitulation]. *Glas SKA*, 1913, vol. 92, pp. 110-162.

86. Stanoyevich S. Studiye o srpskoy diplomatitsi XIII: Potpis [Studies on Serbian Diplomats XIII: Signature]. *Glas SKA*, 1923, vol. 106, pp. 22-49.
87. Stefan Prvovenchani [Stefan the First-Crowned]. Yuhas-Georgievskaja Lj., ed. *Sabrani spisi* [Collected Writings]. Belgrade, Prosveta, Srpska knjizhevna zadruga, 1988. 201 p.
88. Taranovski T. *Istoriya srpskog prava u Nemanyichkoy drzhavi* [The History of Serbian Law in the State of the Nemanyich Dynasty]. Belgrade, Sluzhbeni list SRY, 1996. 805 p.
89. Trifunovich Dj. Zapis startsa Simeona u Vukanovom yevandyelyu: Izdanye teksta [The Inscription of Monk Simeon in Vukan's Gospel: An Edition of the Text]. *Sa svetogorskih izvora* [From the Sources of the Holy Mount]. Belgrade, Sluzhbeni list SCG, 2004, pp. 65-88.
90. Chirkovich S. Susreti velikih tsivilizatsiya oko 1300. Istok i Zapad u yugoistochnoy Evropi [Meetings of Great Civilizations around 1300. East and West in South-East Europe]. *Rabotnitsi, voynitsi, duhovnitsi: drushtva srednyovekovnog Balkana* [Labourers, Soldiers, Clerics: The Societies of Medieval Balkans]. Belgrade, Equilibrium, 1997, pp. 369-376.
91. Chirkovich S. Kralj Stefan Dragutin [King Stefan Dragutin]. Davidov D., ed. *Rachanski zbornik, Nauchni skup: Kralj Dragutin u istoriji i umetnosti* [The Racha Collection, Scientific Conference: King Dragutin in History and Art]. Bayina Bashta, Fondatsiya Rachanska bashtina, 1998, iss. 3, pp. 11-20.
92. Chirkovich S. Unutrashnye i spoljne krize u vreme Nemanyinich naslednika [Inner and Outer Crises in the Age of Nemanya's Heirs]. Chirkovich S., ed. *Istoriya srpskog naroda* [History of the Serbian People]. Belgrade, Srpska knjizhevna zadruga, 2000, Vol. 1: *Od naystariyih vremena do Marichke bitke (1371)* [From the Ancient Times to the Battle of Maritsa (1371)], pp. 263-272.
93. Feryanchich B. *Vizantiya i Yuzhni Sloveni* [Byzantium and the Southern Slavs]. Belgrade, Zavod za izdavanye udzhenika SR Srbiye, 1966. 119 p.
94. Feryanchich B. Odbrana Nemanyinog nasledya [The Defence of Nemanya's Heritage]. Chirkovich S., ed. *Istoriya srpskog naroda* [History of the Serbian People]. Belgrade, Srpska knjizhevna zadruga, 2000, vol. 1, *Od naystariyih vremena do Marichke bitke (1371)* [From the Ancient Times to the Battle of Maritsa (1371)], pp. 297-314.
95. Chremoshnik G. Studiye iz srpske paleografiye i diplomatike [Studies in Serbian Paleography and Diplomats]. *Glasnik Skopskog nauchnog drushtva*, 1940, vol. 21, pp. 1-19.
96. Ahrweiler H. *L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. Paris, Pr. univers. de France, 1975. 159 p.
97. Dagron G. *Emperor and Priest: The Imperial Office in Byzantium* (translated by Jean Birrell). Cambridge, Cambr. Univ. Press, 2003. 337 p.
98. Dölger F. *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden*. München, Mittel- und neugriechisches Seminar der Universität München, 1931. 68, 25 p.
99. Dölger F. Das byzantinische Mitkaisertum in den Urkunden, *Byzantinische Diplomatie: 20. Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner*. Speyer am Rhein, Buch-Kunstverlag Ettal, 1956, pp. 102-129.
100. Featherstone J. Emperor and Court. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 505-517.
101. Kaldellis A. *The Byzantine Republic: People and Power in New Rome*. Cambridge, Massachusetts and London, England, Harvard University Press, 2015. 290 p.
102. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon (revised by sir Henry Stuart Jones). Oxford, Clarendon Press, 1996. 2041, 320 p.
103. Maksimović Lj. Das Kanzleiwesen der serbischen Herrscher. Hannick C., ed. *Kanzleiwesen und Kanzleisprachen im östlichen Europa*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 1999, pp. 25-54.
104. Maksimović Lj. La Serbie et les contrées voisines avant et après la IVe croisade. A. Laiou (ed.), *Urbs Capta: The Fourth Crusade and its Consequences / La IVe Croisade et ses conséquences*. Paris, Lethielleux, 2005, pp. 269-282.
105. Marjanović-Dušanić S. Patterns of Martyrial Sanctity in the Royal Ideology of Medieval Serbia: Continuity and Change. *Balkanica*, 2006, vol. 37, pp. 69-79.
106. Miklosich F., ed. *Monumenta Serbica: spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*. Vienna, G. Braumüller, 1858. 580 p.
107. Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500-1453*. New York, Washington, Praeger Publishers, 1971. 445 p.
108. Kazhdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York, Oxford, Oxford Univers. Press, 1991, vol. 1. 728 p.
109. Raybaud L.P. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258-1354)*. Paris, Editions Sirey, 1968. 294 p.
110. Treadgold W. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Stanford University Press, 1997. 1020 p.
111. Treadgold W. The Persistence of Byzantium. *The Willson Quarterly*, 1998, Autumn, pp. 66-91.
112. Šafarik P. J., ed. *Život Sv. Symeona od Krále Štěpána. Z rukopisu XIII. Století*. Praha, B. Tempský, 1868. 30 p.

Information about the Author

Nina Kršljanin, PhD (Law), Associate Professor, Department of Legal History, Faculty of Law, University of Belgrade, Bulevar Kralja Aleksandra, 67, 11000 Belgrade, Serbia, nina.krsljanin@ius.bg.ac.rs, <http://orcid.org/0000-0002-0718-5787>

Информация об авторе

Нина Кршлянин, доктор юридических наук, доцент кафедры по истории права, Юридического факультет Университета в Белграде, бульвар Короля Александра, 67, 11000 г. Белград, Сербия, nina.krsljanin@ius.bg.ac.rs, <http://orcid.org/0000-0002-0718-5787>